

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ МИФОЛОГЕМЫ «СМЕРТЬ»

Развитие египтологии требует в настоящее время ее выхода за пределы узких рамок, определенных спецификой научного анализа. Обобщение отдельных фрагментов исследований и создание целостной синтетической картины диктует условие философского обоснования смыслообразующих детерминант, определяющих специфику и феномен данной культуры.

Философско-культурологический анализ не только недостаточен – он является «белым пятном» в истории Древнего Египта. В силу этого невозможно адекватно реконструировать фундаментальные основания культуры и рассмотреть ее структурную целостность. Возникает смысловой диссонанс между статичным описанием смены династий и универсальными основаниями, определяющими целостность социокультурной действительности. Культура Древнего Египта уникальна. Ее история мозаична: она состоит из отдельных фрагментов, обусловленных царствованием фараона. В свою очередь фараон, представленный «Сыном Бога», центрирует относительно себя безусловную государственную власть. Это определяет отсутствие преемственности традиций правления, с одной стороны, и с другой стороны – реализацию культа фараона в пределах религиозной традиции. Подобный феномен является ярким примером нелинейного развития государственной истории Древнего Египта, которое не принимается во внимание при исследовании проблемы вне философского анализа.

Уникальность древнеегипетской культуры, формирование и управление которой со всей очевидностью принадлежало жрецам, по мнению ряда исследователей, создает особый прецедент. Он ставит государственную власть в зависимость от власти оккультной. Более того, подобная форма правления отличалась предельной стабильностью и устойчивостью. Несмотря на сакрализацию основ управления в мистериальной культуре, ассимиляция оккультных основ происходит в ряде религиозных монотеистических традиций. Реконструкция основных мистериальных смыслов и значений стала возможной. Древнеегипетский

прецедент становится правилом в организации оккультных обществ и орденов, которые в своем генезисе аналогичны, а в принципе структурирования тождественны принципу организации династической власти, обусловленной тайной храмовой властью.

Анализируя этот аспект, можно увидеть как сущностное различие между политической и религиозной властью, так и их внутрикультурную взаимосвязь. В условиях современной политической, идеологической и духовной нестабильности древнеегипетский феномен является особенно актуальным. Проблема смерти здесь являлась предельно значимой. Знание о смерти формировало внутрикультурную связь смысла бытия, детерминирующего бытие государства лишь относительно сакральной идеи, имеющей разрешительный характер существования только в соответствии с заданной социокультурной парадигмой. Ограничение парадигмы производилось через мифологию «смерть».

Смерть как мифологема обретает функцию защиты человека социального от его поглощения осознанием смертности. Можно отметить, что мифологизированное восприятие смерти есть в сущности ее невосприятие, своего рода защитная оболочка, сквозь которую, собственно, и воспринимается смертная телесность. Так мифологизация выполняет функцию «снятия натурализации» смерти. Мифологизированные представления о смерти как единственно приемлемое отношение к человеческой смертности утверждаются и некоторыми современными философами. В.М. Розин, например, утверждает, что смерть как экзистенциальный феномен не может быть рассмотрена в том ключе, в котором мы изучаем природные явления. Ее нельзя мыслить как натуральный объект, как некую сущность,

имеющую такие-то и такие-то характеристики. Безусловно, мы проникаем в свои представления, начинаем их мыслить и переживать как натуральные объекты, нам кажется, что смерть всегда одинакова. Этот взгляд, эта привычка нашего сознания неправильны, смерть вообще не природный объект, смерть всегда воспринимается сквозь «очки культуры», всегда истолковывается сознанием и в определенном языке.

В культуре Древнего Египта знание о смерти имело многоуровневую иерархическую структуру. Система мифологических представлений о смерти выделялась здесь в особый пласт экзотерической танатологии – совокупность знания о смерти, доступного обыденному сознанию. Истинное же понимание смерти производилось путем посвящения адепта в сакральную, демифологизированную природу смерти.

Говоря о специфике древнеегипетской мифологемы «смерть», можно отметить, что она сохранила практически все характерные черты отношения к умершему, свойственные первобытной культуре. В то же время именно здесь возникают первые мифологизированные представления об индивидуальности человеческого существования, как земного, так и загробного. Исходя из этого, здесь выделяется исключительная роль тела конкретного человека, через смерть которого только и открываются врата в мир иной. Если связь со смертью определялась здесь через специфику индивидуальности тела, то связь с жизнью сохранялась через прижизненные поступки умершего. Ряд египтологов связывают это с памятью, которая для умершего была самым необходимым способом существования. Умерший, лишенный памяти о себе самом как собственной субъективно интерпретированной оценки, мог теперь существовать только посредством того, что память о нем сохранялась другими, живущими. Не было в Древнем Египте наказания страшнее, чем наказание забвением. В сущности, онтология мифа смыкалась с онтологией индивидуального смысла, вплетенного в смысл общего существования.

В более поздний период, уже в общине пифагорейцев, унаследовавшей основные

эзотерические смыслы древних египтян, идея памяти о себе стала прижизненным смыслом существования, преодолевающим границу между восприятием жизни и смерти. Т. Гомперц проводит параллель между принципами, изложенными в египетской Книге мертвых, и основными установками религиозного вероучения в орфико-пифагорейской среде. В то же время он обращает внимание на то, что развитие орфического учения сопровождало собой начало более тесных связей Греции с Египтом. Вероучение египтян бросило семя в благодатную почву греческого менталитета. По всей вероятности, люди, пострадавшие от завоеваний или же ставшие жертвой сурового олигархического строя, первые обратили тоскующий взор к утешениям загробной жизни, ожидая от богов вознаграждения за понесенную на земле несправедливость, утверждал Т. Гомперц.

Данная картина предельно утрируется в культуре Древнего Египта. Напоминание о смерти перерастает здесь в образ жизни, в специфику социально-политического правления. Уже первые мифы представляют бога Тота владыкой не только загробного царства, но и человеческой совести. Зная с достоверностью о необходимости Суда за собственные деяния, индивид все более проникался чувством уподобления законному. Смерть здесь обретает форму мифа, в котором мифологизированный смысл смерти переносится в смысл судьбы посредством его переинтерпретации. Именно в древнеегипетской культуре сакральные смыслы герметизма получили самое широкое распространение не только как способ инициации в сакральную природу знаний о бытии, но и как способ установления политического режима.

На этот факт обращает внимание Э. Шюре: «В Египте жречество дисциплинировало царскую власть, не уступало никогда своих прав и даже в самые трудные эпохи имело влияние на царей, изгоняло деспотов и всегда управляло народом; и влияние это происходило из умственного превосходства, из глубокой мудрости, какой не достигло ни одно правящее сословие нигде и ни в какой стране». Примером уникальности данного способа правления может служить опыт об-

щины пифагорейцев, которая отчасти смогла реализовать свои политические качества, основополагаясь на уподоблении герметизму, хотя не достигла полноты самореализации.

Очевидно, герметизм как смысл и образ жизни возникает в Древнем Египте не случайно. А. Шапошников считает, что культ умерших как связь с предками возникает уже в доисторический период. Погребальные действия доисторических аборигенов Нила (меламподов) коренились в их инстинкте социальной привязанности. Основная тенденция их культовых обрядов заключается в попытке создания реальности неумирания. Поэтому мумификация тел и захоронение их вблизи собственного жилья на протяжении тысячелетий оставались неизменными.

Культура смерти, формировавшаяся тысячелетиями, становится сокровищницей человеческих знаний. И она целенаправленно формировалась в сторону углубления смыслов человеческого бытия, попыткой создания мировоззренческой структуры с выходом на самоидентификацию каждого не только через жизнь, но и через смерть. Таким образом, основной стратегией духовного единства народа становится социализация-деиндивидуализация, сведение всех и каждого только к собственной социальной роли. В этой связи очень важным представляется утрированное отношение к телу умершего. Очевидно, принцип деиндивидуализации сглаживался, гармонизировался посредством того, что прижизненное подавление и ограничение аффективной природы тела «окупалось» его освящением после смерти.

Первые идеи о воскрешении тела умершего возникают не в христианстве, а в Древнем Египте. Но данная идея не положена основанием в центр концепции бессмертия. Религия египтян достаточно противоречива и отражает исторический конфликт между двумя сильными религиозными традициями: культом солнечного бога Амона-Ра и культом Осириса. Культ Амона-Ра предполагал для умершего вечное блаженство в бесконечном путешествии по небосводу. В то же время владыкой царства умерших являлся его сын, бог Тот. В данном случае формируется очень четкая смысловая связь, настраиваю-

щая мышление на восприятие смерти. Во-первых, силы света и тьмы уравниваются, во-вторых, культ отца является приоритетным, что предполагает его власть и над царством смерти.

Но в период правления Аменхотепа IV картина меняется. Он изменил собственное имя на культовое имя Эхнатон, возвеличив культ солнца через его переименование в культ Атона. Это производное имя от собственного имени фараона. Таким образом, происходит и перенос смысла, в котором вся земная власть отчуждается фараону, который почитается богом, принявшим власть над жизнью и смертью человечества. Эхнатон становится также значением, символом и сакральным смыслом солнца:

Ведаю я, что землю ты создал
Своей могучей рукою,
Что люди – твое творенье:
Поднимаешься ты – они живы,
Спрячешься – умирают.

Сформировав соответствующую религиозную идеологию, Эхнатон реформирует и устройство мира умерших. Теперь свой приоритет получает идея воздаяния за земные дела. Отныне в мире умерших воцаряется Осирис, воскрешающий тела для того, чтобы каждое из них предстало перед судом богов. И здесь необходимо отметить коренную трансформацию смысла, через который воспринималась смерть в данной культуре. В первом случае, когда смерть становилась делом души и предвещала либо страдание, либо вечное блаженство, она воспринималась как эстетическая категория смысла. Во втором случае смысл переводится в этическую категорию. Подавление совести общества страхом расплаты за прижизненные поступки приводит к ужесточению режима правления, подавляя активность общества и наделяя правителя безграничной властью.

Древнеегипетская мифология «смерть» сохранила практически все характерные черты отношения к умершему, свойственные первобытной культуре. Но уже здесь возникают первые представления об индивидуальности земного и загробного существования.

Связь со смертью определялась через специфику индивидуальности тела, связь с жизнью сохранялась через прижизненные поступки умершего. Можно предположить, что египтяне знали о наличии биосоциальных связей, определяющих действие глубинного механизма психического управления обществом. Онтология мифа смыкается с онтологией индивидуального смысла, вплетенного в смысл общего. Напоминание о смерти перерастает в образ жизни, в специфику социально-политического правления.

Неограниченная власть фараона простиралась за пределы государственной власти. В качестве идеологемы использовался практически тот же принцип объяснения его божественного происхождения, которым объяснялось отсутствие смерти в первобытном обществе. Здесь царь Египта происходил от плоти Бога Солнца и после смерти возвращался в тело своего родителя. Принцип цикличности сохранялся в той же структурной форме, в то время как целеполагание царствующей особы имеет бессмертное начало. Но здесь заложено существенное искажение мифа о цикличности рождения и смерти, ибо невозможно создать непротиворечивую систему взглядов, в которой бы безусловно сочеталось владение небесным и земным царствами. Логика необходимого завершения сыновнего воссоединения с верховным богом такова: с одной стороны, царь был «Сыном Ра» с момента зачатия, в течение всей жизни и до заключительного триумфа над смертью. Согласно другой системе мысли, мертвый царь становился Осирисом, правителем в царстве мертвых.

И здесь необходимо обратить внимание на один существеннейший момент. Цикличность рождения и смерти воссоздавалась через культ Осириса, который был умерщвлен предательством брата и воскрешен для правления в загробном царстве. Этот культ широко практиковался, и каждый египтянин знал, что прошедши через суд богов, будет воскрешен у трона Осириса.

Миф об Осирисе относился к системе экзотерической танатологии: во времена Книги мертвых всякого мертвого звали Осирис, ко всякому мертвому заново применял-

ся весь миф о нем. Значит, сущностное, эзотерическое знание о смерти было более глубоким. Если система знаний о божественном происхождении царствующей особы логически не соотносилась с его способностью управлять царством мертвых, необходимо было провести соответствующую мыслительную операцию, структурировать новую непротиворечивую целостность.

Попытка сохранить тела умерших вызывает необходимость обоснования целесообразности подобного действия. Соответственно мертвые стали социализироваться наряду с живыми. Происходит разидентификация общества, так как смерть ассимилируется в жизни и занимает все большее социокультурное пространство.

Культ фараона, очевидно, выносится за пределы социокультурного пространства. Он полагается онтологической сущностью культуры или формирует культуругенез специфически устроенного общества. Значит, фараон определяется как знак соответствующего общественного порядка. Его социальная роль не что иное, как роль носителя культуримагинативной сущности смерти. Демонстрация его бессмертия осуществлялась через эстетическое сочетание в его личности жизни-смерти, то есть он сам являлся символом начала, соединяющего жизнь со смертью. Иная реальность бытия фараона визуально очерчивала его как умершего для мирской суеты. Умерший был вне сферы страстей. В мире мертвых не происходит неожиданных перемен. Смерть воспринималась древними египтянами как переход из сферы изменчивости к порядку, который для мирян олицетворял фараон.

Древнеегипетская мировоззренческая система требовала огромных усилий для ее организации, так как она сама должна была продуцировать стабильный негэнтропийный поток для всего общества. В противном случае она не смогла бы стать столь стабильной и устойчивой.

Поэтому именно эта культура стала колыбелью мистериальных таинств и храмовых посвящений. Книга мертвых, будучи основоположением знаний о смерти, предназначалась для формирования общественного сознания. Для узкого числа посвященных су-

ществовала Книга Тота. Согласно легенде бог Тот был хранителем тайных сокровенных знаний о строении вселенной, ее прошлом, настоящем и будущем. На сегодняшний день она существует в знаково-символической форме арканов Таро. Каждый аркан в соотношении с реальностью является открытой дверью в иную реальность и обладает способностью к смыслопорождению.

Процессы, с которыми сталкивался человек, были обратимыми. Смерть же доказывала, что миром управляют необратимые процессы. Древнеегипетская культура обращала движение смерти на саму смерть посредством системы ритуалов и заклинаний как способа защиты от неведомых, враждебных сил. Смерть как непонятное обнаруживает предел человеческих возможностей, за которыми находится область иного, «надчеловеческого» бытия. Из богов только Тоту было возможно проникновение в три возможных сферы существования.

Человек не мог ощущать вечность, а ощущал в силу своей смертности лишь временность, дробность, частность. Смерть была гостьей из вечности и вела в вечность. Эти факты бытия, как обусловленная миром данность, ложатся в основание системы Таро. Фараон становился не только бессмертным, он организовывал порядок из хаоса в пределах жизни-смерти собственного государства. Суть системы знаний Таро в том, что она в знаковой форме «дробила» вечность, придавая ей культурно обусловленный статус мира, доступный человеческому пониманию.

Философия бытия древних египтян уже достаточно совершенна, хотя во многом опирается на первобытное мышление. Она является отправной точкой, в которой мифологема «смерть» дает начало пониманию мира как с точки зрения философии, так и с позиции мировых религий, манифестирующих победу над смертью.